

Жизнь Пушкина

ПОЧЕМУ ПЛАКАЛ ПУШКИН?

АЛЕКСАНДР
ЛАЦИС

Александр Александрович Лацис

Почему плакал Пушкин?

Серия «Жизнь Пушкина»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17829796
Почему плакал Пушкин?: Алгоритм; Москва; 2013
ISBN 978-5-4438-0408-8*

Аннотация

Лоббист во многом парадоксальных догадок в исследовании жизни и творчества А. С. Пушкина, Александр Лацис (1914–1999) принадлежит к клану неопушкинистов. Он впервые обнародовал гипотезу о родстве Пушкина и Троцкого, занимал антиершовскую позицию по поводу авторства знаменитой сказки «Конек-горбунок», а также внедрял версию о том, что дуэль поэта с Дантесом на самом деле была самоубийством. В настоящей книге в увлекательной форме развернут поиск явного Пушкина, раскрываются «темные места» пушкинских текстов, выявляются новые факты и эпизоды из жизни поэта, затененные раньше, как и черты пушкинского характера.

Содержание

Судьба пушкиниста	5
В кругу вельмож	14
Сафьян и розги	16
Покаянное письмо	24
Непонятные слова	32
Шатер	39
Сложные проценты	43
Без лишнего шума	50
Дело приватное	54
Образец руки	60
«Гром вечных стрел»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Александр Лацис

Почему плакал Пушкин?

© Лацис А. А., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Судьба пушкиниста

Когда в печати за границей впервые была опубликована проза Абрама Терца, КГБ с ног сбился, пытаясь разыскать «клеветника на советскую действительность». Однако автор хорошо законспирировался, и Комитет обратился за помощью в Союз писателей: уж братья-то писатели должны были распознать, кто именно из них является злостным двурушником, клеветником и изменником Родины. По этому поводу было специально собрано правление СП СССР, и после долгого обсуждения абсолютным большинством присутствующих на заседании было признано, что этим человеком может быть *только Александр Лацис*.

Александр Александрович Лацис-Винтер родился 8 октября 1914 года в Петрограде. Он был пасынком (усыновленным) впоследствии репрессированного и расстрелянного известного партийного деятеля и литератора Мартына Лациса, члена первого Петросовета и председателя Коллегии ВЧК, о котором Ленин отзывался как об одном «из лучших, испытанных коммунистов».

Мать Александра Лациса, Милица Лацис-Винтер, тоже была литератором – ее повести «Кукла» и «Леший», написанные хорошей русской прозой, ждут своего издателя; она же перевела и «Неоконченную повесть» Мартына Лациса, изданную «Советским писателем» в 1965 году. После

расстрела мужа она уцелела благодаря приему, описанному Надеждой Мандельштам: она уехала из Москвы и в дальнейшем переезжала с места на место, как только возникал вопрос о регистрации и необходимости предъявлять документы.

Окончив в 1937 году Московский историко-архивный институт, а в 1945-м – Литературный институт им. А. М. Горького (оба – с отличием), Александр Лацис работал в Центральном архиве профдвижения и организации труда и в аппарате секретариата СП СССР. Когда в 1950 году Константин Симонов, который, как и Лацис, был одним из потомков Пушкина по внебрачной линии, стал главным редактором «Литературной газеты», он в первый же день пригласил для разговора Лациса. Зная о его происхождении, уме и образованности, о его особом интересе к проблеме расшифровки 10-й главы «Евгения Онегина» и получив подтверждение в необычном «дальнем родстве», Симонов предложил ему должность референта (помощника) главного редактора. Свою работу в ЛГ Лацис практически и начал с длительной командировки, на другой день после этого разговора уехав в Красноярск для изучения обнаруженной в архивах необычной верстки пушкинского стихотворения *«Во глубине сибирских руд...»*

В этой должности, затем литературным секретарем редколлегии (1950–1953), заведомом сатиры и юмора (1953–1955) и спецкором ЛГ Лацис проработал в «Литературной

газете» до 1956 года; с 1956 по 1958 год он работал в редакции журнала «Вопросы литературы», а в 1965 году стал членом СП СССР.

Остроумный, убедительный фельетонист, он опубликовал в советской печати около сотни фельетонов (в основном на литературные темы), часть которых была издана в «Крокодильской» серии, а многие вошли в сборник «Семь спящих дев» (М., «Искусство», 1965). Немудрено, что в той или иной степени им были задеты бездарности и посредственности разного калибра, а среди собравшихся на упомянутое правление СП были и те, кто уже давно имели на него зуб. Но главной причиной столь солидарного мнения рулевых советской литературы был общий дух фельетонов Лациса, собравшимися интуитивно расценивавший как **анти-советский**. В те времена подразумевалось, что в фельетоне, допущенном в печать, осуждаемый факт является частностью, нетипичной для нашей действительности; тем не менее, каждая такая публикация вызывала злобу не только у ее фигуранта: за фельетонами Лациса неизменно прослеживались **явления** советской жизни.

Поскольку его причастность к «нагло-вызывающему» псевдониму «Абрам Терц» доказать было невозможно, из СП его не исключили, но было принято решение «ограничить публикации А. Лациса» в периодической печати. Не зная о принятом правлением СП решении, Лацис по-прежнему подбирал темы для фельетонов, приходил в ре-

дакции, согласовывал их, и ему говорили: «Годится! Несите фельетон!» Он приносил, фельетон читали, говорили: «Отлично!», он оставлял его, через некоторое время приходил (или звонил) справиться о продвижении материала в номер, и работники недоуменно разводили руками: фельетон застрял где-то наверху, у руководства. Руководство не объясняло своим сотрудникам, по каким причинам не разрешает публикацию материалов Лациса, а потому и они ничего не могли ему объяснить.

Это могло бы продолжаться бесконечно долго, если бы среди членов правления СП не нашелся человек, не побоявшийся сказать Лацису: «Даже не пытайся! Правление СП дало знать главным редакторам периодических изданий о своей рекомендации “ограничить публикацию” твоих произведений: подозревают, что ты и есть тот самый Абрам Терц!»

Вскоре «клеветника» раскрыли, состоялся суд над Синявским и Даниэлем, и, понимая, что без отмены решения правления СП его печатать все равно не будут, он обращается к чиновным советским писателям с письмом: дескать, вы меня подозревали, но я, как вы теперь видите, не Абрам Терц и прошу отменить ваше решение. Правление СП снова собралось и приняло новое решение: раз они постановили, что Лацис *мог* быть антисоветчиком, скрывающимся под злобным псевдонимом, значит их решение было правильным, и потому они оставляют его в силе!

Не считая абсолютной бесперспективность попыток

остаться в злободневном – и злополучном – жанре фельетона, Лацис сосредоточил основные свои усилия на пушкиноведении – не только в силу стойкого литературоведческого интереса к наследию дальнего прародителя, но и в надежде на отсутствие глобальной цензуры по отношению к Пушкину. Довольно быстро он убедился в своем заблуждении: Пушкин оказался под таким пристальным приглядом Главлита, что Лацис долгие годы не мог пробиться в пушкинистику – несмотря на то, что многие его открытия до сих пор сенсационны.

До причины такого положения в пушкиноведении он додумался не сразу. Ключом к пониманию того, что происходило вокруг Пушкина, стало его открытие, послужившее основой статьи «Из-за чего погибали пушкинисты?». В статье он показал, что Лев Троцкий был прямым потомком Пушкина по внебрачной линии (Бронштейн – фамилия приемных родителей его отца) и что этого не могли не знать такие погибшие при странных обстоятельствах пушкинисты, как С. Гессен, Б. Модзалевский и Б. Томашевский. Сталину, который опасался только Троцкого и потому люто ненавидел его, не хватало только, чтобы эта информация каким бы то ни было образом просочилась из круга пушкиноведов в какую бы то ни было – в том числе и зарубежную – печать. Поэтому любой, кто где-нибудь кому-нибудь сказал или шепнул что-либо по этому поводу, уничтожался беспощадно. Первым в этой цепочке оказался С. Гессен, в 1934 году сбитый

машиной на пустынной площади в Ленинграде (до нас дошло устное предание о том, что машина пушкиниста «ло-вила на мушку»). В юбилейную комиссию по подготовке к празднованию столетнего юбилея Пушкина в 1937 году срочно были введены чекисты, а среди ее членов активно вербовали стукачей.

Пушкин попал под такой строгий контроль цензуры, что любая попытка разбирать его произведения или обсуждать его поступки сколько-нибудь нетрадиционно по отношению к уже сложившемуся советскому канону пресекалась, любой шаг в сторону «рассматривался как побег». В такой ситуации во главе официальной пушкинистики оказались люди не столько талантливые в этой области, сколько получавшие всяческую поддержку власти за их охранительную службу, и наше пушкиноведение очутилось в положении, близком к тому, в каком у нас многие годы была генетика. Однако, в отличие от генетики, общий дух нашей академической пушкинистики мало изменился и за последние годы.

Все свои лучшие работы о Пушкине Лацис опубликовал только в годы перестройки, часто – в малотиражных и труднодоступных для широкого читателя изданиях (как, например, альманах «Ной»). Большинство из них опубликовано в пушкинской газете «Автограф», и одно это можно поставить ее главному редактору Галине Георгиевне Сорокиной (1933–2010) в заслугу, переоценить которую невозможно. И до сих пор наша официальная пушкиника замалчивает

его исследования, поскольку открытый разговор по их поводу поставил бы ее в неудобное положение.

Лацис скончался 10 декабря 1999 года, на 86-м году жизни. После его смерти, как председатель комиссии по его литературному наследию, вместе с Г. Г. Сорокиной я занялся продвижением его взглядов и трудов. Издание книги Лациса «Верните лошадь!» (М., 2003), подготовленной пушкинистом еще при жизни, стало первым прорывом блокады: в книгу вошли его лучшие статьи, публиковавшиеся в газете «Автограф», и повесть «В кругу вельмож», впервые опубликованная в журнале «Новый мир».

В 2001–2004 гг. мне удалось осуществить несколько крупных публикаций в периодике – с целью привлечь внимание пушкинистов к тому новому, что было в его статьях о Пушкине. В 2008 году мое интервью Станиславу Кучеру, главным содержанием которого стал разговор о версии Лациса пушкинского авторства сказки «Конек-горбунок», было показано по каналу «Совершенно секретно», а в 2009-м по каналу «Культура» в программе «Цвет времени» прошел мой фильм на ту же тему. Тогда же я издал «Конька-горбунка» уже под именем Пушкина (книга имела обширную прессу и выдержала уже три издания) и переиздал в своем издательстве лучшие статьи Лациса («Персональное чучело», ИД КАЗАРОВ, 2009). В этом году мой доклад с логическим доказательством пушкинского авторства сказки был включен в программу «Болдинских чтений 2013». Ход истины

неостановим, и столь же неизбежно и признание открытий Лациса в пушкинистике.

В настоящее издание, помимо статьи «Две звездочки», задающей направление поисков пушкинских эпиграмм, включен еще и фельетон «Человек безупречной чистоты», в котором вынесен убедительный приговор так называемым «Тайным запискам Пушкина», то и дело всплывающим среди обсуждаемых в Интернете спекуляций на пушкинском материале. Таким образом, этот литературный фельетон Лациса оказался надолго и своевременным, и современным.

В стремлении ощутить дух эпохи и понять мотивы поступков и творческих замыслов Пушкина Лацис подробно изучил его окружение, нравы и быт того времени. Чтобы быть максимально ближе к нему, он даже исключил из своей домашней жизни радио, телевизор и другие аксессуары XX века, оставив только телефон. С. Бонди однажды сказал Лацису, что для того, чтобы всерьез заниматься Пушкиным, необходимо владеть французским так же хорошо, как владел им поэт, – причем именно тем французским, каким пользовались в то время. Лацис последовал его совету и выучил французский язык (благо его мать была преподавательницей иностранных языков) – как и поэт, он свободно писал, читал и изъяснялся по-французски. Его манера изложения предельно проста и подчинена движению мысли, а в письме он стремился использовать пушкинский словарь. Его статьи –

при внешней простоте изложения – всегда глубоки и нетривиальны; нередко они требуют перечитывания – и в этом случае его тексты благодарно открывают настойчивому читателю истинную взаимосвязь событий и фактов.

Публичная жизнь его пушкиноведения только начинается. Дух статей Александра Лациса, проникнутых любовью и уважением к своему гениальному предку, насыщенных блестящими догадками и истинными озарениями, ставит его в первый ряд наших лучших пушкинистов всех времен.

В. Козаровецкий

В кругу вельмож

Повесть из давних времен о подлинных событиях и некоторых догадках

«Судьба... так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное общее впечатление».

Эти слова содержатся в одном из пушкинских писем 1835 года.

В том же письме читаем:

«Жалею, что из ста тысячей способов достать 100 000 рублей ни один еще Вами с успехом, кажется, не употреблен».

Минуло одиннадцать лет. И на голову другого знакомого Пушкина непонятным образом свалилась еще более крупная сумма. Ее принес безмолвный вестник, не проронивший ни слова.

Все в том же письме Пушкина сказано:

«Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему».

Вряд ли полностью удалось последовать этому совету. Но попробуем обойтись без дальнейших околичностей.

Сафьян и розги

Петербург, набережная реки Мойки.

В вечернее время, 15 мая 1846 года, когда хозяин находился в гостях, к собственному дому министра государственных имуществ генерала Киселева подошло неизвестное лицо, кажется, посыльный.

Был доставлен пакет, заключавший в себе сафьяновый портфель. Слово «портфель» тогда означало бумажник.

Внутри находилось написанное по-французски письмо, не имеющее подписи, и крупная сумма денег. Более ста тысяч!

Граф Киселев ничего не понял. Или не показал вида, что понял. Так или иначе, а вопрос о том, кто и с какой целью сделал это приношение, по сей день остается неразъясненным.

По одной из новейших версий сафьяновый портфель прислал... покойный граф Бенкендорф, чью посмертную волю через полтора года после его кончины выполнил приехавший то ли из-за границы, то ли с кавказского театра военных действий племянник усопшего.

Версия эта явно нелепа и вместе с тем шаблонна, по-своему характерна. Самое удобное, самое привычное решение: любые запутанные происшествия вали на ведомство Бенкендорфа, и делу конец.

Все, кто пристально интересовался биографией Пушкина, непременно знакомы с генералом Павлом Дмитриевичем Киселевым. Их пути пересекались в Петербурге, Кишиневе, Одессе, снова Петербурге. Были встречи, беседы, непринужденные упоминания в стихах:

На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг Коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,
До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.

(«Орлову», 1819)

Не вдаваясь пока что в пояснения, добавлю запись о Киселеве в дневнике Пушкина от 3 июня 1834 года:

«Он, может, самый замечательный из наших государственных людей...»

Полагаю, что были и письма Пушкина к Киселеву.

Подобное предположение, кажется, не высказывалось, и потому надо бы его обосновать, да нет времени входить в подробности.

Занимаясь Пушкиным, подметил я такое правило: ежели

тайны и загадки поодиночке не решаются, то, поставленные рядом, они *сами решают друг друга*.

Попытаемся, свести воедино весьма далеко отстоящие обстоятельства.

А если толку будет маловато?

Что ж, в запасе всегда остается другое правило – пословица насчет двух зайцев.

В 1820 году некто неизвестный придумал и распустил слух, что поэт Пушкин был высечен розгами в тайной канцелярии.

Так вот, полагаю, что не кто-то иной, а тот же неведомый пустил вдогонку слушок дополнительный: насчет розог – это, говорят, выдумка, а сочинил ее граф Федор Толстой по прозванию Американец.

Если бы поэт не был выслан на юг России, что было бы дальше? Неизбежная дуэль. С неизбежным исходом.

Прославленный дуэлист, к тому времени сразивший не то девять, не то одиннадцать противников, пристрелил бы тогда же, в 1820 году, и двенадцатого.

В 1820-м. На семнадцать лет раньше.

Судьба – штука сложная. Выходит, что неожиданное решение Александра I о высылке поэта на юг помешало чьей-то дьявольской затее. Хитроумное покушение на смертоубийство посредством дуэли на сей раз сорвалось.

У того, кто придумал двухходовую ловушку, кроме враж-

дебности политической могли быть и дополнительные мотивы. Зависть к чужой славе, оскорбленное самолюбие или ревность.

Впрочем, как правило, озлобленность соразмеряется не столько с поводом, сколько с характером завистника и ревнивца.

Что предпринял находившийся на юге Пушкин?

Именно то, что от него и ожидалось.

Писал на Федора Толстого эпиграммы в выражениях самых оскорбительных. Более того, тут же рассылал их с тем расчетом, чтоб они стали известны Американцу. Иначе говоря, готовил предлог для дуэли.

Чтоб сжечь все мосты, вставил эпigramму в текст послания к Чаадаеву и напечатал послание в «Сыне отечества». Затем в отдельном издании своих стихотворений сократил эти строки – прежде всего потому, что послание из-за них становилось растянутым.

Казалось бы, надо и нам считаться с «последней авторской волей», с последним изданием. Однако почему-то печатают в первоначальной редакции. Видимо, у позднейших редакторов Пушкина имеются свои счёты с Федором Толстым. Простите, я начал шутить – верный признак того, что отвлекся...

Американец не мог взять в толк: чем вызвана эта внезапная ярость? Он не помчался ни в Кишинев, ни в Одессу, просил Вяземского уговорить Пушкина, против которого ниче-

го не имеет. Но так как Пушкин не унимался, то Американец... попробовал заняться стихотворством и сочинил ответную эпиграмму. И на сем счел дело конченным¹.

В глазах Пушкина вся эта история не выглядела забавной. О том, что он пережил, он четыре года спустя оставил запись в наброске письма к государю.

Письмо было написано по-французски, вот его начало в сделанном нами заново переводе:

«Разнесся слух, что из-за неосторожных речей и язвительных стихов меня доставили в тайную канцелярию и высекли. Я оказался последним, кто узнал о том, что повсюду идут толки. Увидев себя опозоренным в общем мнении, я пал духом...»

Продолжение фразы не вполне разборчиво. Без особых на то оснований его читают наугад: «дрался на дуэли».

Однако биографам Пушкина не удалось что-либо узнать о якобы состоявшемся поединке.

Меж тем слух насчет розог действительно мог привести к дуэли. Но не к *состоявшейся*, а к *предполагаемой* дуэли с Федором Толстым-Американцем. Такое намерение у Пушкина и впрямь возникло. Подтверждение находим в письме

¹ Чтобы было понятно, насколько неотвратимой становилась дуэль после эпиграммы Толстого, приводим ее текст (по книге С. Л. Толстого «Федор Толстой-Американец», М., 1990): Сатиры нравственной язвительное жало С пасквильной клеветой не сходствует нимало. В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл, Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил. Примером ты рази, а не стихом пороки И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

к Вяземскому, написанном в Кишиневе 1 сентября 1822 года:

«Извини меня, если буду говорить с тобою про Толстова. Мнение твое мне драгоценно. Ты говоришь, что стихи мои никуда не годятся. Знаю, но мое намерение было не заводить остроумную литературную войну, но резкой обидой отплатить за тайные обиды... я узнал обо всем, будучи уже сослан, и почитая мщение одной из первых Христианских добродетелей, в бессилии своего бешенства закидал издали Толстова журнальной грязью. Уголовное обвинение, по твоим словам, выходит из пределов поэзии: я не согласен. Куда недотягивает меч законов, туда достает бич сатиры.

...Ты упрекаешь меня в том, что из Кишинева под эгидою ссылки, печатаю ругательства на человека, живущего в Москве. Но тогда я не сомневался в своем возвращении. Намерение мое было ехать в Москву, где только и могу совершенно очиститься. Столь явное нападение на Гр<афа> Толстова не есть малодушие...»

Как же получилось, что Пушкин, такой щепетильный в вопросах личной чести, того самого Толстого-Американца вместо вызова на дуэль пригласил быть своим сватом?

Забыл? Чего-то, выражаясь нынешним слогом, недоучел?

Забыть не мог, ибо в жизни никогда не забывал о долге чести. Значит, поступок, как и все сколько-нибудь важные его поступки, не случайный, хорошо обдуманный.

Лет через пять или шесть после появления слуха о розгах, при первой же возможности, после своего приезда в Москву поэт повел переговоры о дуэли, но полностью убедился, что по части розог Американец совершенно ни при чем. Тут-то Пушкин «постепенно начал понимать ясней», на какие душевные пружины была рассчитана двухходовая мина.

Прошло еще пять лет.

Предоставив Американцу почетную роль свата, Пушкин тем самым перед лицом общества, да и перед лицом потомков, отменил, взял назад свои запальчивые эпиграммы.

Но эта цель – вторая, побочная. А главная игра, видимо, куда более сложная.

Приглашая Американца, поэт тем самым позволил себе откровенно насмешливый намек, примерно такой:

– Господин неизвестный! Вашу давнюю ловушку я разгадал. Я ее помню. И, очень может статься, догадываюсь, кто вы.

...Изложив по возможности кратко вторую загадку, не буду смешивать ее с загадкой первой². Сначала предстоит

² Второй частью загадки Лацису заняться не привелось, но имя сплетника чуть позже разгадал А. Н. Барков (см. «Прогулки с Евгением Онегиным», Тернопіль, 1998; а также: А. Барков и В. Козаровецкий, «Кто написал “Евгения Онегина”», М., 2009). Но особенно хочется подчеркнуть заслугу Лациса, разгадавшего, что это была «*двухходовка*», свидетельствовавшая о степени ненависти к Пушкину клеветника – поэта Павла Катенина. «*Зависть к чужой славе, оскорбленное самолюбие...* – все угадал Лацис, как и то, что «*озлобленность соразмеряется не столько с поводом, сколько с характером завистника*». Так, уже после смерти, два замечательных пушкиниста поддержали друг друга и сделали эту историю,

по той, по первой, собрать дополнительные сведения.

вызывавшую недоумение пушкинистов, прозрачной.

Покаянное письмо

В июле 1820 года Александр I присутствовал на высочайшем смотре войск 2-й армии в Умани и Виннице. Все прошло хорошо. Но вот дружеское письмо к начальнику штаба 2-й армии генералу Киселеву из Петербурга от генерала Алексея Орлова:

«Я ожидал с нетерпением курьера из Умани: я почти был уверен, что могу тебя поздравить; я считал минуты, когда получу столь приятное известие; к несчастью, твое письмо разрушило мои надежды, и я до сих пор не могу опомниться от удивления.

Видно, сильно работали, чтобы тебе вредить; надо полагать, что... успехи, достигнутые тобою на месте столь трудном, усилили ожесточение твоих врагов».

Примерно та же история повторилась после свидания Киселева с государем в Варшаве в январе 1823 года: «Многое, что было ему обещано, осталось без исполнения».

(Тут я цитировал четырехтомный биографический труд А. П. Заблоцкого-Десятовского «Граф П. Д. Киселев и его время». СПб, 1882.)

Весной 1824 года Киселев писал Закревскому из столицы: *«Живу здесь для займа денег... Собственные дела в расстройстве ужасном... В моем положении ничего завидного нет, хотя многие завидовать мне не перестают».*

В те дни дважды – и впрямь завидная честь! – Киселев был удостоен аудиенции у государя. Не прося за себя никогда ничего, он получил согласие на оказание нескольких милостей, относящихся до сослуживцев.

Да и не имело смысла просить за себя...

Возникла неотложная надобность пояснить значение слова «невежды». Говоря о Павле Дмитриевиче Киселеве, мы уже приводили пушкинские строки: *«Он враг Коварства и невежд...»*

В конце царствования Александра слова «Коварство», «невежды» употреблялись в качестве точных обозначений. Не проникая в их смысл, да еще и не зная расшифровки некоторых прозвищ, вряд ли удастся уловить оттенки борьбы тогдашних направлений.

5 января 1824 года А. А. Закревский писал П. Д. Киселеву (очевидно, с надежной оказией):

«Здесь все по-старому, и Змей имеет силу. Дибич без доклада ему ни на что не решается и не докладывает Государю».

Речь шла об Аракчееве. Его постоянное прозвище нередко сопровождалось эпитетом «Коварный». То есть дух зла, демон-искуситель, ***сатана, принявший обличье змия***³.

³ Это прозвище Аракчеева Пушкин использовал в «Гавриилиаде». (См. главу «Поэма в мистическом роде» в книге: В. Козаровецкий. Тайна Пушкина. М.: Алгоритм, 2012.)

Из этого следует, что Коварство (с большой буквы!) по преимуществу означало не что иное, как режим Аракчеева, аракчеевщину.

А кто такие невежды? Прежде всего – ставленники Аракчеева, его приспешники, затем вообще сановники ретроградного направления. Еще не было в ходу политических терминов «реакция» и «прогресс». Взамен того говорилось «невежество» и «просвещение». Вот почему сторонники прогресса – П. Д. Киселев, А. И. Тургенев, М. М. Сперанский – величались «друзья просвещения», «просвещенные вельможи».

В начале 1834 года Пушкин записал в дневник разговор со Сперанским:

«Я говорил ему о прекрасном начале царствования Александра: Вы и Аракчеев, вы стоите в дверях противоположных этого царствования, как Гении Зла и Блага».

Противостояние Аракчеева и Киселева было столь же явным.

В начале октября 1823 года из Тульчина, то есть из штаб-квартиры 2-й армии, император Александр отправился к Аракчееву в Вознесенск – столицу южных военных поселений. Взяв с собой начальника штаба 2-й армии Киселева, Александр хвалил Аракчееву 2-ю армию, только что успешно завершившую большие осенние маневры.

Когда государь ушел в кабинет, Аракчеев при оставшемся многолюдном собрании обратился к Киселеву:

– Государь так доволен вами, Павел Дмитриевич, что я желал бы поучиться у вашего превосходительства, как угождать его величеству. Позвольте мне приехать для этого к вам во Вторую армию. Даже не худо было бы, если б ваше превосходительство взяли меня на время к себе в адъютанты.

Слова эти всех удивили, и взоры присутствовавших обратились к Киселеву. Тот без малейшего замешательства отвечал:

– Милости просим, граф. Я очень буду рад, если вы найдете во Второй армии что-нибудь такое, что можно применить к военным поселениям. Что же касается до того, чтобы взять вас в адъютанты, то извините, – прибавил он с усмешкой. – После этого вы, конечно, захотите сделать и меня своим адъютантом, а я этого не желаю.

Ответ прозвучал как неслыханная дерзость. Всесильный временщик закусил губу и отошел прочь.

Современники отмечали, что Киселев никогда не прибегал к интригам и заискиваниям, однако «прирожденная горячность» (тут намек на южное происхождение: одна из бабушек была грузинкой) «иногда увлекала его и доводила до резкостей, которые, в соединении с завистью к быстрому его повышению, породили ему немало врагов».

Впрочем, возможно, что словесная перепалка с Аракчеевым выходила за рамки простой случайности. Через год-полтора оказалось, что все адъютанты Киселева состояли в Юж-

ном обществе. Новых командующих полками Киселев последние два-три года назначал исключительно из числа членов тайного общества. Вероятно, Киселев немало знал о готовящемся Пестелем заговоре. Но кое-что мог знать и Аракчеев...

Впоследствии Киселев получил письмо из Сибири от одного из своих бывших подчиненных:

«Ваше превосходительство, прошу вас не простить меня, но забыть меня. С вами, как ближайшим начальником, я должен был прежде всего быть открыт, что короткое время был в обществе с Пестелем... Я наказан, но справедливо; покоряюсь судьбе и прошу вашего прощения и забвения».

Киселев, конечно же, прочитал письмо в обратном значении, все понял и действовал соответственно. Помогал семье декабриста средствами, затем содействовал в получении детьми образования. Дети выросли, он хлопотал за них и далее, присутствовал на свадьбах и крестинах. А письмо сберег, потому что оно – важное.

Скажем заодно, что в 1834 году, остановясь проездом в Москве, Киселев большую часть времени проводил у бывшего под опалой Михаила Орлова.

Засим повторим расстановку сил в придворных кругах весной 1824 года, когда Киселев прибыл в Петербург с докладом и был удостоен очередной порции царских похвал

и неисполненных обещаний.

Киселев и его друзья – Алексей Орлов, а также Закревский, уже отосланный из Петербурга в Финляндию, – опирались на князя П. М. Волконского. Другая тройка, трое невежд, три чурбана – Аракчеев, Дибич, Клейнмихель – недавно подковырнули Волконского.

Петр Михайлович лишился важнейшего поста. Его должность, в то время именуемая «Начальник Главного штаба», сочетала в себе полномочия военного министра и... председателя комитета министров!

Место Петра Михайловича занял ставленник Аракчеева Дибич. Пунктуальный немец не преминул бы напомнить, что награждение Киселева будет сочтено Аракчеевым за личное оскорбление. Подчиненным Киселева досталось не более половины обещанного.

Возвращаемся к началу. 15 мая 1846 года, Петербург, набережная реки Мойки. В десять часов вечера, как сказано выше, в отсутствие хозяина дома П. Д. Киселева швейцар принял у неизвестного лица, то ли немого от рождения, то ли иностранца, пакет, обернутый в сероватую бумагу.

Посыльный не попросил расписки.

На следующее утро 16 мая граф Павел Дмитриевич, занявшись разбором почты, собственноручно вскрыл сверток, в коем оказался сафьяновый портфель. Он имел формат, равный небольшой папке или книге, которую можно поло-

жить в карман. Размером приблизительно девятнадцать сантиметров на двенадцать. Четыре отделения, в центре замочек.

Портфель оказался заперт, ключ висел тут же, привязанный на шнурке. Первое, на что упал взгляд, было письмо, не имевшее подписи, написанное по-французски.

Кроме того, там находились опять-таки обернутые в сероватую бумагу пачки кредитных и банковских билетов, ценные бумаги.

Но прежде всего Киселев прочел письмо.

Предлагаемый ниже перевод, как и все последующие, выполнен мною. При этом я стремился возможно более полно сохранить слог того времени. Да и нельзя иначе: тут каждый оттенок важен.

«Безымянное письмо обычно имеет мало права на доверие порядочных людей. Следственно, еще менее, чем к кому-либо, мне пристало подобным образом обращаться к вам; однако ж сознание моих прегрешений вынуждает желать, по причине некоторого малодушия, дабы в неведение оставалось имя автора.

Я был вашим врагом, господин граф. Благосклонность к вам Императора Александра, доверие, которое Он вам оказывал, блистательный путь, который Он предоставил вам свершить, – все вызывало мою ревность или скорее ненависть.

С тем чтоб в Его усмотрениях ничего не было упущено,

Он приуготавливал вам денежную награду, которая должна была еще раз знаменовать Его благоволение.

Я о сем узнал; быв уведомлен о Его щедрых помышлениях, я их расстроил доводами, коих ныне стыжусь; мне удалось завладеть тем, что было предназначено вам.

В сем положении я пребывал до тех дней, когда угрызения охватили мою душу, когда, без зависти, я воздал должное вашим высоким достоинствам: справедливости, вошедшей в поговорку, и безупречной преданности своим обязанностям, каковая в нынешние времена находит мало примеров. Моя провинность представилась мне более тяжелой, она меня гнетет, и я не в силах долее нести сию ношу.

Верните мир моей совести, дабы на то время, которое мне еще осталось, она очистилась от всяческой скверны. Примите то, что является вашим, то, что я у вас постыдно похитил. Токмо лишь сие возвращение может мне помочь вновь обрести покой и собственное уважение. Ничто иное не послужит достижению сих чаяний и лишит мое раскаяние своего единственного утешения.

Если ваше великодушное сердце и простит меня, сие никогда не изгладит ту скорбь, которую я испытываю из-за моих провинностей перед вами».

Само собой понятно, что в этом письме упрятаны начала и концы занимающей нас загадки. Но как к ней подступить-ся, на что обратить внимание?

Непонятные слова

В поисках подсказки обратимся к Пушкину и перечитаем две строки из X главы «Евгения Онегина», из той, которую обычно именуют сожженной:

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь.

Эти строки числятся в ряду неясных, необъясненных. Впрочем, печатают к ним примечаньице, печатают: «Как указал в 1913 году Д. Н. Соколов, “под «ханжою»... Пушкин разумел несомненно князя А. Н. Голицына; так назван последний в послании к Н. И. Гнедичу (1821)”».

Примечание как примечание, не хуже других. А. Н. Голицын был министром народного просвещения. Проявил себя так, что его вполне возможно было назвать ханжой.

И все же подвергнем примечание сомнению. Первая зацепка – слова, которые мы вовсе не замечаем, – 1913 год.

Тот год, когда царская Россия торжественно отмечала трехсотлетие дома Романовых.

Во дни официальных ликований мог ли ученый высказать напрямую все свои истинные соображения?

Если бы проморгало ближайшее начальство, императорская Академия наук, шлагбаум поставили бы другие «блю-

ститители тишины».

Вскоре решительно сменилась обстановка. Молебствия о даровании и ниспослании вспоминали разве что юмористы. И никому не приходило в голову выискивать в статье Соколова какие-то иносказания. Как написано, так и читали, так и понимали, заучили наизусть, привыкли. И по сей день повторяют сведения, «указанные» Д. Н. Соколовым.

Путаница, учиненная в 1913 году, из тех, что в фальшь не ставится. Иные неверные прочтения пушкинских строк или ложные к ним пояснения возникали вынужденно, по причине невозможности высказать истину.

Вместо правильного объяснения, которое неудобно, некстати, вразрез, Соколов дал толкование заведомо ошибочное. Но изложил его до того нелепо, что любой студент должен был разгадать *незаметную подсказку*.

Вот она, подсказка: речь идет, как объясняет ученый, о том самом ханже, который упоминается в послании к Гнедичу.

Нашлись доверчивые люди. Поняли буквально. Так и запишем: в послании к Гнедичу имеется в виду Голицын.

Нашлись менее доверчивые. Не получается Голицын. А кто же тогда? Ну, значит, другой мракобес. М. Магницкий. Так и запишем...

Отбросим доверчивость и перечитаем послание:

В стране, где Юлией венчанный

И хитрым Августом изгнанный
Овидий мрачны дни влачил;
Где элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Он малодушно посвятил;

...Все тот же я – как был и прежде;
С поклоном не хожу к Невежде,
С Орловым спорю, мало пью,
Октавию – в слепой надежде –
Молебнов лести не пою...

...Твой глас достиг уединенья,
Где я сокрылся от гоненья
Ханжи и гордого глупца,
И вновь он оживил певца,
Как сладкий голос вдохновенья.

Напомним, что Август и Октавий – одно и то же лицо. Возникает параллель: Август-Октавий изгнал из Рима на берега Черного моря поэта Овидия, Александр I в те же края – поэта Пушкина.

Параллель подкреплена упоминанием о глухом кумире. Суть в том, что Александр I был сильно глух. Это усугубляло его мнительность. Не улавливая хода застольных бесед, не схватывая шуток, внезапный взрыв смеха принимал он на свой счет.

Впоследствии, в 1829 году, Киселев поведал А. И. Михай-

ловскому-Данилевскому следующую историю, которую собеседник немедленно занес в дневник.

Однажды адъютанты Александра I – Киселев, Орлов и кто-то третий – стояли во дворце в коридоре у окна, рассказывали друг другу забавные истории и хохотали. Вдруг проходит император, и они перестают смеяться. Но появление его было столь внезапно, что на их лицах видны были еще следы смеха.

Через несколько минут государь посылает за Киселевым. Император стоит перед зеркалом, смотрит на себя то с одной стороны, то с другой, наконец спрашивает, что в его особе могло быть смешного.

Крайне изумленный Киселев отвечает, что не понимает, о чем идет речь.

– Скажи мне правду, может, сзади моего мундира есть что-нибудь подавшее повод к насмешкам? Потому как я видел, что ты с двумя своими приятелями надо мной надсмеялся.

Киселев заявил, что не выйдет из кабинета до тех пор, пока император не убедится в несправедливости своего предположения.

– Пошлите за остальными, и пусть они вашему величеству расскажут, о чем мы смеялись.

После долгих стараний Киселев успел убедить в своей невиновности глуховатого и оттого все более подозрительного императора...

«Ханжа» в зашифрованном четверостишии, как внятно и верно подсказывал Д. Н. Соколов, тот же самый, что и «ханжа» в послании к Гнедичу. Истинная мысль Соколова ясна. Продолжим его сообщение и доскажем то, что невозможно было провести в печать в дни монархического юбилея 1913 года.

Если «ханжа» – Александр, то нетрудно понять, о чем речь в строке «ханжа запрется в монастырь».

Император неоднократно делился своим намерением отречься от престола, стать простым помещиком и сажать цветы, либо *уйти в монашескую обитель*.

Эти разговоры оставались разговорами.

Вернемся к другой строке – «авось, аренды забывая...» Наиболее сложным для восприятия является слово «аренда». Оно кажется знакомым, известным в значении взять в аренду, сдать в аренду, арендовать.

Все эти значения необходимо откинуть, благо из-за них не удастся уловить смысла.

В начале XIX века слово это было одним из самых важных.

Арендой называлась *денежная награда*, даруемая царем. Иногда единовременная, но чаще повторяемая ежегодно, обычно в течение двенадцати лет. Дарование аренды в десять тысяч рублей, как нетрудно посчитать, составит в ко-

нечном счете сто двадцать тысяч.

Теперь, когда вы уже немного знаете «правила игры», перечитайте снова письмо неизвестного лица. Вам станет многое понятней. Речь, видимо, идет о возвращении не врученной в свое время разовой аренды.

Повторяю совет: почаще перечитывайте загадочное письмо.

Ведь чуть ли не после каждой главы нашей повести у вас изменится впечатление, сдвинется угол зрения.

Что такое аренда, мы уяснили. Но что означает «авось, аренды *забывая*...»?⁴

Упоминавшийся выше Михайловский-Данилевский, впоследствии небезызвестный военный историк, вставил в свой дневник такую запись об Александре I:

«Перестали доверять его ласкам, если он кому-либо их оказывает, и простонародное слово “надувать” сделалось при дворе общим; может быть, оно не для всех будет понятно, но кто хорошо знает нашу эпоху, согласится, что оно и есть лучшая характеристика оной».

Судя по резкости выражений, приходится предположить, что запись либо внесена позднее, либо задним числом «заострена». Всего можно ожидать от двуличного официально-го историка, которого остроумец князь Меншиков прозвал «придворным баснописцем».

⁴ Впоследствии Лацис внес уточнение: вместо «забывая» – «добывая»; см. в настоящем издании – «Восстановление Десятой главы».

Но не по слогу, а по содержанию как раз данная запись представляется достоверной. И потому позволительно сделать вывод: строка «авось, аренды забывая...» была написана Пушкиным с обычной для него ясностью.

Не сомневаюсь, что он знал положение дел в царствование Александра I не только в общих чертах.

От кого он мог слышать историю о денежной награде, которая была обещана, но не была вручена? От самого генерала Киселева? Скорее от его адъютанта Ивана Бурцова.

Шатер

В 1814–1817 годах вместе с Вольховским, первым учеником Лицея в Царском Селе, и вместе с Иваном Пушным офицер лейб-гвардии Бурцов принимал участие в вольнодумной «Священной артели». В это время он знакомится с Пушкиным. В годы южной ссылки поэта Иван Бурцов служит во 2-й армии, он – один из адъютантов генерала Киселева.

В бумагах Киселева сохранилось письменное объяснение, затребованное им от Бурцова в связи с запросом Александра I, – верен ли слух об участии Бурцова в некоем тайном обществе. Бурцов заверяет, что весьма чтит особу государя.

И тут же рядом лежит отпечатанное в типографии «Описание Высочайшаго Государя Императора пребывания во 2-й армии в 1823 году». Эта придворная хроника, составленная в штабе Киселева Бурцовым, содержит до крайности, до нелепости преувеличенную лесть, подобострастие, явно комическое.

После подробного описания места ночлега – императорского шатра – говорится:

«...Протечет много времени, и потомство будет посещать тот холм, который был осенен шатром Александра!»

«...На другой день до 9-ти часов все было покойно. В сие

время Государь, выйдя из палатки, изволил неоднократно обращать взор на прелестные окрестности, отдавая им полную похвалу».

«...Предположено было... угостить Его Величество обеденным столом посреди всей армии.

Мысль сия была приведена в исполнение самым блистательнейшим образом... Минуты сии представлялись истинно великими и почти небывалыми в новейшем существовании народов. Кто назовет сей случай, где бы целая армия угощена была обедом пред глазами своего царя? Дело сие принадлежит совершенно древности и великостию своею приводит каждого в удивление».

Нам сдается, что Александр I сей документ читать не стал. Только этим можно объяснить, что после представления шутейного отчета государь... наградил Бурцова орденом.

Вообразите, как бы хохотал Пушкин, читая озорное подражание слогу придворных льстецов.

А он, возможно, читал. Если не тогда же, допустим, в ноябре 1823 года в Одессе, то в 1829 году, когда вновь встретился с Бурцовым и с Вольховским на Кавказе.

Сейчас, в мае 1846 года, не вопросы слога и стиля занимали Киселева. В этом «Описании...» содержались нужные ему сведения.

Итак, Тульчин, вернее, его окрестности, маневры, октябрь 1823 года. Шатер государя замыкает собою вершину треугольника. По левую сторону семь палаточных домиков.

По правую сторону еще семь домиков, там свита государя.

Свитские генералы Ожаровский, Чернышев, Воронцов, Раевский завидовать Киселеву не имели причин. Впрочем, Александр Иванович Чернышев терпеть не мог Киселева безо всякой видимой причины.

За каждой генеральской палаткой – две адъютантские. Фамилии адъютантов в «Описании...» не приведены. Может, напрасно на эти палатки не оглянулись позднейшие следопыты, то есть историки? А что, если чей-то адъютант, полковник? Вот кого обошел и в службе, и в чинах молодой генерал Киселев. Вот кому еле кивнул с высоты своего немалого роста. (Рост был метр девяносто. Отсюда прозвище, данное одним из племянников: Дядя-пьедестал.)

Тем временем Киселев пришел к выводу: не столь важно, какие генералы и какие адъютанты находились в составе свиты государя в октябре 1823 года, поскольку первую палатку свиты уже занимает генерал Дибич.

Иначе говоря, там нет Петра Михайловича Волконского.

А это означает, что осенью 1823 года навряд ли могла возникнуть мысль о даровании денежной награды.

Вероподобнее, что распоряжение было сделано ранее, когда все непременно шло через Волконского.

Но Волконский вне подозрений, он усердный исполнитель царской воли. К тому же Киселев – его подопечный.

Очевидно, кто-то другой тогда «ударил под руку». Насплетничал. Мол, Киселев амурничает с сестрой своей же-

ны, с Ольгой Потоцкой.

А согласно церковным установлениям сие не простой грешок, а великий, равный кровосмешению.

Надо пояснить: «факт» насчет Ольги «имел место». Но это тот случай, когда факты не отвечают истинному положению вещей.

Не Киселев славился предприимчивостью, ею отличалась Ольга.

Сложные проценты

А сколько там, в портфеле, было денег?

По первому подсчету 138 тысяч 996 рублей.

Довольно быстро я сообразил (значит, Киселев должен был догадаться еще быстрее) – цифра потому не круглая, что она с процентами.

Нельзя ли при помощи нехитрых, хотя и копошливых вычислений установить, с точностью до одного года, дату присвоения чужой награды?

Берем наугад исходную сумму. За каждый год прибавляем проценты.

Чему был равен банковский процент, пробуем выяснить хотя бы при посредстве энциклопедии Брокгауза.

Проценты, а к ним еще и проценты на проценты росли на протяжении какого-то числа лет, опять-таки пока неизвестного. Лет двадцать, не менее, поскольку царь Александр скончался в ноябре 1825 года.

Из Брокгауза я узнал, что учетная ставка менялась. До 1830 года начислялось по пять процентов в год, а затем по четыре. Не вполне ясно, куда отнести 1830 год? По пять или по четыре?

В задачке слишком много операций, чтоб решать ее вручную. Кроме того, в школьные годы математикой я занимался с грехом пополам, через пень-колоду.

Вспомнился один домашний разговор.

Было мне лет десять.

Мама сказала: «Есть такое правило. Закон Тейлора. Каждую работу должен делать тот, кто ее сделает лучше и быстрее, кому ее делать легче. Как ты считаешь, правильный закон? Ну, а раз правильный, то отложи книжку и по закону Тейлора вынеси мусорное ведро».

Шел я с мусорным ведром и гордился тем, что я единственный мальчик в мире, который несет мусорное ведро не просто так, а по закону Тейлора. Нет, не шел я, а бежал: торопился вернуться к чтению.

К кому же я обратился, вспомнив о законе Тейлора?

К главному эксперту министерства финансов. На какой-то машинке, вооружившись еще и таблицей сложных процентов, он принялся проделывать пробные расчеты.

За исходную цифру сначала принимались пятьдесят тысяч рублей, потом тридцать, затем шестьдесят, остановились было на сорока...

Пришли к выводу, что по формуле сложных процентов начальная дата...

Впрочем, ни к какому выводу не пришли. Расчеты осложнились еще более. Как уже упоминалось, часть денег, а какая — в точности неизвестно, состояла из ценных бумаг. За последние годы купоны, кажется шестипроцентные, на билетах коммерческого банка не стриглись. Судя по сему признаку, можно предположить, что вклад был изъят из бан-

ка не в 1846 году, а в 1844-м, если не раньше.

Значит, нам не известна не только начальная, но и конечная дата начисления банковских процентов. Задача не решается: слишком много неизвестных величин.

Из всего этого следует попутный вывод: даже с нарушением тайны банковского вклада Киселеву не удалось бы что-либо выяснить через банк. Ни в 1846 году, ни в 1845-м такой вклад не изымался.

Вот единственная точно известная цифра: после стрижки накопившихся купонов окончательная сумма на 15 мая 1846 года составила 142 тысячи 876 рублей.

Кем-то была присвоена разовая аренда в размере либо сорока тысяч рублей, либо пятидесяти тысяч. Смотря когда...

Тем временем Павел Дмитриевич Киселев в первую свободную минуту выдвинул все ящики письменного стола и разложил перевязанные тесьмой пачки писем.

Перед тем как углубиться в сличение почерков, он еще раз перебрал в уме наиболее явных личных врагов.

Лет десять тянулась судебная тяжба с родственниками жены. Они оспаривали завещание, оставленное знаменитой красавицей – гречанкой графиней Софьей Потоцкой, урожденной Софьей Клавоне. Ее дочери, Софья и Ольга, в конце концов дело выиграли благодаря энергичным действиям Киселева. Но к тому времени Софья Станиславовна Киселева, урожденная Потоцкая, и Павел Дмитриевич Киселев уже

были в разъезде по обоюдному соглашению.

Почему проигравшие дело графы Потоцкие, которые десять лет судились из-за имений, из-за капиталов, должны отдавать какие-то деньги?

Нет, это им не свойственно.

В июне 1823 года состоялась дуэль Киселева с генерал-майором Мордвиновым. Секундантом выступал адъютант Киселева Иван Бурцов.

Стреляли одновременно. Пуля Мордвинова пролетела мимо виска Киселева.

«Я ранен», – сказал Мордвинов. Через десять часов он погиб при явлениях острого загноения внутренностей. Киселев целил в ногу, но пуля попала чуть выше.

Ранения в живот в ту пору были смертельны.

Пушкин, еще не зная своей судьбы, очень интересовался дуэлью двух генералов. «В продолжение нескольких и многих дней он ни о чем другом не говорил». Он спрашивал: какого вы мнения? Кто выказал более чести, достоинства? Кишиневский приятель Пушкина Николай Степанович Алексеев держал сторону своего дальнего родственника Киселева, Липранди тоже был за Киселева. Однако Пушкин считал, что Мордвинов, вызвав на дуэль своего непосредственного начальника, тем самым явил более мужества.

Киселев обязался выплачивать вдове тысячу двести рублей ежегодно. Она сначала отказывалась, потом приняла по-

собрание.

Как раз год назад, в 1845-м, умер отец Мордвинова. Так что же, перед смертью распорядился все возместить? Во-первых, у Мордвиновых не может быть таких денег, во-вторых, приношение в несколько раз больше суммы, которую выплатил Киселев.

Между тем просмотрены письма нынешнего военного министра генерала А. И. Чернышева. В 1826 году в ходе следствия по делу декабристов он старался упечь Киселева, но не добился обвинительных показаний от арестованных. В числе привлеченных к следствию были все адъютанты Киселева и все лично им назначенные командиры полков 2-й армии.

Чернышев человек прескверный, но тем менее вероятно, чтобы он расстался добровольно хотя бы со ста рублями.

Да и почерк не сходится.

Перечислим остальных корреспондентов подряд, и честных и бесчестных. Бенкендорф. Министр иностранных дел К. В. Нессельроде. Известный казнокрад министр просвещения С. С. Уваров. Пришедший в ветхость князь П. М. Волконский. Недавно умерший министр финансов Е. Ф. Канкрин. М. С. Воронцов. Даже умершего пятнадцать лет назад И. И. Дибича не надо оставлять без сличения. А вдруг письмо написано пятнадцать лет назад?

Ах, не с этих размышлений надлежало начинать. Сначала ему бы обдумать свой вчерашний вечер, проведенный в гостях. Что он делал около десяти часов вечера? В карты играл. Кто еще присутствовал из видных сановников? Не уехал ли кто незадолго до десяти часов?

Все эти вопросы пришли Киселеву на ум лишь через неделю. Вспоминал, вспоминал, так никого подходящего и не вспомнил.

Может быть, его отсутствие из дому установили при помощи наружного наблюдения? Какие-то иностранные скрытые агенты хотят его скомпрометировать? Тьфу, пропасть, до какой чепухи можно додуматься.

Не кроется ли тут какой-нибудь иной подвох?

Что сразу сделал бы Киселев, если бы он не был настороже? Поехал бы к давнишнему другу своему, к Алексею Орлову, новому шефу Третьего отделения.

Значит, именно этого делать нельзя. Неизвестно почему, но нельзя. Многолетний опыт придворной жизни привел к выводу: чем естественней поступок, тем более вероятно, что он окажется нарушением приличий, а то и непоправимой ошибкой.

Все танцуется от печки. Все надо обдумывать с оглядкой на государя.

Николай I возвратится в столицу лишь через три недели.

Вполне хватит времени, чтобы наилучшим образом подготовить на высочайшее имя пресложнейшее письмо.

Без лишнего шума

Почему вдруг в 1846 году возникла необходимость вернуть деньги, присвоенные давным-давно, более чем двадцать лет назад? Да еще со всеми процентами, тщательно подсчитанными?

Некий жулик рехнулся, что ли?

Но нет, письмо неизвестного – будем его впредь именовать *Искомый* – вполне разумное.

Религиозные угрызения в связи с предстоящей близкой кончиной?

В таком разе мог пожертвовать половину на благо церкви. Согрешил, покался, искупил грех и обрел покой в добронравных помышлениях. Да в письме нет ни слова о воле божией, не видно в нем ожидания близкого конца.

Бойтся Орлова, всесильного Третьего отделения? Но раз Искомый на равных обращается к министру графу Киселеву, раз он смог воочию убедиться в достоинствах графа, значит, и сам поднялся на немаловажную ступень.

Да, в молодые лета поступил неблаговидно. Но разве нарушил Уголовное уложение? Было приказано: затребовать сумму для награждения, подготовить пакет. Искомый приказание выполнил. Затем, видимо, было повелено повременить. Он так и поступил.

Он может утверждать, и никто не сможет это опроверг-

нуть, что через месяц в ответ на его вопрос царем было сказано: «Напомни, на чем мы стали?»»

И еще могло быть сказано: «Отложим этот разговор до другого раза».

Затем он, Искомый, полагал неудобным напоминать.

Другого раза не было, так как царь либо забыл, либо не по душе ему было принимать определенное решение. И сумма осталась на руках.

Потом, когда царь умер, Искомый счел себя не вправе вручать пакет Киселеву. Всякие ходили разговоры.

А вдруг Киселев окажется в числе заговорщиков?

А вдруг Киселев... вот он, говорят, болеет...

А вдруг в Третьей Особенной кредитной канцелярии наводнение повредило бумаги?

Киселева не арестовали, он не умер, архив не погиб.

В одном и том же году, в 1844-м, А. Ф. Орлов сменил Бенкендорфа и Ф. П. Вронченко – Канкрин. Давний (с 1820 года!) начальник Третьей кредитной канцелярии стал министром финансов.

26 апреля 1846 года министр Вронченко, выполняя распоряжение Николая, оформлял продление аренды, дарованной Киселеву в 1836 году, еще на двенадцать лет.

Возможно, при этом Вронченко попутно заметил:

– Вот, я знаю, вы никогда не просите, а все цари вас награждают.

Киселев, естественно, ответил, что от Александра денеж-

ных наград никогда не получал.

Федор Павлович, очевидно, проверил свою память и отыскал в реестре запись: в знак монаршего благоволения и прочая тогда-то была затребована такая-то сумма и выдана через такого-то. Посмотрел формуляр Киселева. Там эта сумма не обозначена.

Как поступил Вронченко – мы не знаем. Постараемся «думать от Киселева». Судя по его дальнейшим действиям, вот какой ход событий представлялся ему наиболее вероятным.

Вронченко сложил все бумаги в папку и пошел с докладом.

Царь рассудил:

– Хорошо, что доложил. Огласке не предавай. Папку оставь у меня. Я сам займусь ею на досуге.

Николай I, превосходный лицедей, любил эффектные сцены. Вызвал виновника, люто негодовал, страшал судом. Затем явил великодушие:

– Деньги вернуть. Не мне, не казне, а Киселеву. И с приращением. Со всеми сложными процентами. Пред Киселевым письменно повиниться. Имя свое в повинном письме не открывать, чтоб дело не могло получить дальнейший ход. Сплетничать по догадкам, может неосновательным, Киселев не станет, я его знаю, это не в его натуре.

Вся длинная цепочка наших предположений держится на исходной посылке: без ведома и прямого приказа царя

Николая никто бы такие большие деньги отдавать не стал.

Но верно ли, что версия является единственно возможной?

Если письмо писал жулик, то он действовал по цареву повелению, деньги отдавал по приказу.

А если отдавал добровольно? Значит, он, жулик, – вовсе не жулик?

Логический тупик можно обойти. Предположим, что жулик – а он сам признается, что жулик, – человек не без странностей.

Дело частное

Мысль Павла Дмитриевича шла примерно таким путем: если царь Николай заставил кого-то написать письмо, но дозволил отослать письмо без подписи, значит, он полагает нужным, чтоб тайна была сохранена.

Николай своим приближенным предоставляет свободу действий лишь при одном условии: чтобы они точно и безошибочно угадывали его желания, его намерения.

Надо писать к царю. Просить совета.

Прежде всего необходимо исполнить желание Николая, состоящее в том, чтоб он, Киселев, решительно ни о чем не догадывался, ровным счетом ничего не понимал и терялся в предположениях.

Далее в своем письме он должен не уступать, а превзойти по части благородства этого жулика, этого сукина сына — Искомого.

В заключение он должен всю сумму передать царю на его усмотрение — «дабы оградить свою честь и не свершить чего-либо противозаконного». И заявить о готовности полностью отказаться от сего странного приношения. Но высказать все это так искусно, чтоб не вынуждать царя принимать его отказ.

Если же Николай о сем случае ничего не знает, то тем приятнее ему будет узнать раньше всех о таком необычном про-

исшествии. Пусть на этом примере царь убедится, что моя с Орловым дружба на втором плане, а доверие государя – превыше всего.

Киселев изрядно потрудился над своим письмом. Человек, который все понимает, сумел вполне правдоподобно выразить мысль о том, что он ничего не понимает.

Вряд ли стоит приводить письмо целиком. Ведь мало перевести его с французского на русский. Надо бы еще для ясности перевести с придворного слога на обычный, общепонятный. Но тогда будут утрачены многие оттенки.

Содержание письма нашим читателям знакомо: в нем рассказывалась уже известная история о появлении посыльного, о сафьяновом портфеле...

Поэтому приведу лишь выдержки – начало и конец письма от 8 июня 1846 года. Чтоб получить представление о придворном слоге, сего будет довольно.

«Государь!

С давних пор благоволение Вашего Величества мне позволяло прибегать к Вам во всех случаях и при всех обстоятельствах. Дело приватное, весьма неожиданное вынуждает меня умолять Ваше Величество уделить мне немного времени, и прошу извинить, что отрываю его от Ваших важных занятий.<...>

Я повергаю это дело пред Вашим Величеством с доверием человека, приученного следовать наставлениям Вашего благородного сердца, и я

их ожидаю, Государь, с совершенной и полнейшей покорностью.

Вашего Императорского Величества низжайший, всепокорнейший и преданный слуга и подданный».

Ответ пришел быстро. В среду 12 июня. Но не от царя, а из Третьего отделения, от А. Ф. Орлова.

«Я пишу лишь несколько слов, дорогой друг, дабы известить, что Император препоручил мне твое частное дело, о коем ты ему сообщил.

Нет нужды передавать – в каких выражениях он отдал дань благородству твоих чувств.

Скажу только, что со своей стороны я рад сему происшествию, которое на тебя с неба свалилось.

Моя догадка – что сие исходит от твоей жены. Это деликатный способ вернуть то, что тебе следует за бескорыстие, которое ты проявил во всем твоём отношении к ней. Она во многом была повинна перед тобою, она по совести возместила ущерб, и это примирило меня с ней.

Вот, признаюсь тебе, мои предположения. Учитывая обстоятельства минувшие и нынешние, данное дело никак не возможно объяснить иным образом.

Я не хотел бы ничего предпринимать, не повидав тебя и не условившись о том, что делать. Ты упомянул в своем письме о банковом билете, надписанном к графу Кушелеву-Безбородко; можно у него спросить – не помнит ли он, кому его передал? Впрочем,

это ни к чему не приведет, так как билет мог пройти через несколько рук.

Другой путь мне кажется более верным. Если бы ты передал мне портфель, можно было бы разыскать человека, который его делал, и, следственно, узнать – кто ему заказал.

Вот что на скорую руку я думаю о том, что можно предпринять. Но я не буду ни с кем говорить, пока не посоветуюсь с тобой.

Обнимаю тебя сердечно.

Орлов».

Сохранилось ответное письмо Киселева от 14 июня на трех страницах. Он решительно отвергает предположения насчет безыменного дарения от жены, которая – он это выяснил – свой банковский вклад не трогала.

Есть еще одно письмо Орлова. Они условились, что в ближайшее воскресенье, 16 июня вечером, Киселев приедет к Орлову на дачу в Петергоф, точнее говоря, в Стрельну.

Переписка – она вся велась по-французски – любопытна еще тем, что в ней проскальзывают нотки, по коим можно судить о правилах придворной игры.

П. Д. Киселев – А. Ф. Орлову

«Начну с того, что моим первым намерением было предварительно поговорить с тобой и просить твоего совета.

Однако, полагая, что Император вправе быть о сем уведомлен первым, я не желал погрешить, поступая

в противность смыслу моего письма, которое написал сразу после получения портфеля.

Вот почему, в перекор моему желанию посвятить тебя в секрет, я воздержался и сообщил о нем Его Величеству».

А. Ф. Орлов – П. Д. Киселеву

«Ты поступил наилучшим образом, открыв тайну прежде всего Императору, ибо вот первое, что он мне сказал:

– Вероятно, Киселев с вами уже говорил... На что я отвечал, что нет».

Что было сказано на даче с глазу на глаз? Орлов мог пояснить:

– Я вовсе не утверждаю, что Софья Станиславовна сама послала эту сумму. Но ты же сам говоришь, что на другой день она к тебе заходила, бросила взгляд на портфель, ничего о нем не спросила. Не затем ли она приходила, чтоб убедиться, что ты портфель получил? Поскольку вы с ней в разъезде, то возможно, что у нее есть друг, который по ее просьбе...

Вряд ли Орлов высказывал свою личную догадку. Трудно не заметить явное уклонение Орлова от исследования корней происхождения. Не было ли им получено указание – особенно не усердствовать, не поднимать лишнего шума? Уж больно неприглядная история. И очень может статься, что в ней замешан слуга, приближенный к престолу.

Если Киселеву приходили в голову подобные хитроумные рассуждения, сей опытный царедворец тем паче должен был потрафлять расчетам императора и «думать на неизвестного», на друга жены.

А кроме того...

Образец руки

А кроме того, Киселев и сам размышлял в том же направлении.

По слогу судя – не рука ли писателя? Чем иначе объяснить, что похититель написал – да еще по-французски – такое архисложное письмо?

А что, если Вяземский? Его не поймешь. Иной раз довольно приятный человек. Чаше язвительный, злоязычный. Временами впадает в тяжкую меланхолию.

Известный поклонник польских красавиц. За женой Киселева, с которой он, Киселев, давно находится в разъезде, Вяземский приволакивался, еще когда она была Софьей Потоцкой. Служил в Варшаве, знал все городские новости, вертелся там под рукой Александра I, не то составлял, не то переводил царские речи.

И, как на грех, у Киселева при себе ни одной бумаги, писанной пером Вяземского. Надо будет не сразу, чтоб не насторожился, найти повод, написать письмо, по ответу сравнить почерк.

Киселев выжидал более года, никакой путный предлог не подвернулся, написал довольно неуклюже: нет ли у вас такой-то книжки, каковая спешно, и прочее.

Вяземский, разумеется, удивился, на конверте сделал по-

метку: более десяти лет «у него не был. До того времени мы с юношества были дружны с Киселевым и на ты». Памятуя, что жизнь есть война всех против всех, Вяземский счел за благо обойтись без письменного ответа.

И тем невольно прибавил к числу улик уклончивое поведение...

Что можно сказать в защиту Вяземского?

У него никогда не было денег?

Довод не решающий, даже вовсе не довод.

Потому и похитил. И там же, в Варшаве, всю сумму сразу положил в банк. Потом опасался, остерегался, не прикасался. Наконец памятливым Вронченко докопал...

Вяземский. Тогда возникает положение двусмысленное.

Нельзя принимать деньги от поклонника жены, хотя бы и бывшей.

После всего сказанного не будем удивляться действиям Киселева. Всю сумму снова положил в банк, а именно в Опекунский совет, с тем, что по завещанию вклад достанется его, Киселева, воспитанникам, то есть внебрачным детям.

А при жизни Киселева вклад имеет право взять обратно тот, кто объявит и докажет, что это он доставил приношение Киселеву, иначе говоря, что он и есть похититель.

Многое можно вменить в вину Вяземскому. Вот весьма подозрительный факт: Вяземский прекрасно владеет французским языком. А его приятельницей действительно была Софья Станиславовна Киселева.

Но не будем втягиваться в беспредметный спор. Интерес к Вяземскому отпадет, как только мы предъявим его несокрушимое алиби по главному злодеянию.

Когда Вяземский служил в Варшаве, там еще не появлялся для встречи с царем Киселев.

Когда Киселев туда приезжал на прием к царю, там уже не было Вяземского.

Затем, после удаления из Варшавы, Вяземский многие годы оставался не у дел.

Наконец, если б была возможность определенно связать «странное приношение» с Вяземским, Николай в 1846 году немедленно удалил бы его из состава совета Министерства финансов да и вообще из министерства. Однако два года спустя памятливый на малейшие прегрешения император вручает Вяземскому орден Станислава I степени.

Стало быть, надо искать далее. Не один Вяземский в состоянии написать безупречное французское письмо.

Казалось бы, следовало взять под подозрение генерал-адъютанта Александра Ивановича Чернышева.

Отменно, как, впрочем, многие из числа бывавших в Париже, он знал французский язык.

Не раз сопровождал императора Александра в поездках на конгрессы и по России. В Таганроге 19 ноября 1825 года акт о кончине императора подписали кроме духовных лиц и лекарей П. М. Волконский, И. И. Дибич, Н. М. Лонгинов, А. И. Чернышев.

Чернышев не отличался разборчивостью в средствах достижения целей. Известно, что в 1808 году он прибыл в штаб-квартиру Наполеона в качестве посланца русского царя. Поручение было дано ему с умыслом именно потому, что двадцатидвухлетний Чернышев не имел в то время решительно никаких высоких званий. Однако коммюнике штаба Наполеона громогласно сообщило о прибытии «полковника, флигель-адъютанта, графа Чернышева».

Император Александр был возмущен утроенным самозванством. Но затем сменил гнев на милость. Чтоб прикрыть самовозвышение, Чернышеву присвоили чин полковника, а затем и звание флигель-адъютанта.

Осуществилось, хотя и не скоро, третье желание. В 1826 году по окончании процесса декабристов Чернышев был возведен в графское достоинство «за неусыпные труды, понесенные им при открытии злоумышленников и произведение о них исследования».

Располагал ли Чернышев в 1846 году необходимой крупной суммой денег? О да, без сомнения.

Наконец, Чернышев имел все основания заявить Киселеву: «Я был вашим врагом, господин граф».

Но вот что не сходится: по части чинов, должностей, титулов, наград Чернышев все время опережал Киселева, и, значит, завидовать «блистательной карьере» не было видимых причин.

Что же касается вражды – она не исчезла. Киселев,

при поддержке Воронцова, а также великой княгини Елены Павловны, искал пути к смягчению крепостного права. Чернышев оставался поборником полнейшей косности.

Во втором томе юбилейного сборника «Великая реформа» (М., 1911) читаем: «За Киселевым, за каждым его шагом в деле устройства быта государственных крестьян, деятельно следили все те, кто в существовании крепостного права видел один из устоев государства. Эти люди каждый шаг Киселева встречали яростными нападками».

В 1846 году оба представителя противоборствующих сил занимали министерские посты, но Чернышев опять-таки стоял выше, ибо Военное министерство было важнее, чем Министерство государственных имуществ.

Надменный военный министр тем, кого считал стоящим ниже по служебной иерархии, руки не подавал. Взамен того ограничивался еле заметным кивком головы.

После сказанного обновим в памяти безымянное письмо. Разве не чувствуется, что автор более не стремится кого-то обогнать, над кем-то возвышаться? И разве не сквозит в строках письма привычка отбивать поклоны?

Не слишком ли многое не совпадает с обликом Александра Ивановича Чернышева?

«Гром вечных стрел»

В ходе нашего поиска хотелось бы постоянно сверяться с мнением Александра Пушкина. Разумеется, не удастся привлечь прямые пушкинские оценки для любой и каждой подвернувшейся нам под руку фигуры. Но иные пробелы может восполнить знание пушкинских *правил*.

Попутная справка: в «Словаре языка Пушкина» слово «принципы» и множество других для нас привычных иностранных терминов не встречаются совсем.

Сейчас, когда подобные слова уже не ощущаются как нечто чужеродное, мы вправе их применить и сказать, что Пушкин был человеком принципиальным.

Однако сам Пушкин эту мысль выразил бы иначе. Он говорил: *«Держись своих правил»*.

Попробуем приглядеться к некоторым правилам творческого поведения поэта.

В конце 1826 года, как мы уже упоминали, Пушкин помирился с Толстым-Американцем. Помирился, ибо, размышляя о том, кто был его истинный враг, рассудил иначе.

Как поступал Пушкин в подобных положениях? Послушаем мнение князя П. А. Вяземского, изложенное им подробно, записанное дважды:

«...При всем добросердечии своем, он был довольно злопамятен, и не столько по врожденному свойству и влечению,

сколько по расчету; он, так сказать, вменял себе в обязанность, поставил себе за правило помнить зло и не отпускать должникам своим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.